

Сов. культура

БЕЗОПАСНО ЛИ ИСКУССТВО?

ПРОФЕССИЯ режиссера, подумалось мне недавно, дело опасное, потому что число критиков нашего искусства за последнее время заметно возросло. Стало, в частности, больше лиц, не имеющих специальной профессиональной подготовки, но преисполненных желания навести порядок в творчестве каждого живого художника, что само по себе прекрасно. Попадая под обстрел этой категории взыскательных судей, чувствуешь, как оттачивается твоя мобильность и полемическая сноровка, как укрепляются твой глаз и перо в совершенствовании ответов на многочисленные письма и запросы.

Многие зрители, которые испытывают особое критическое пристрастие к театру, требуют от современного режиссерского искусства четких и недвусмысленных рекомендаций: как себя вести в тех или иных жизненно важных обстоятельствах. При этом особая роль отводится отбору таких обстоятельств, показ которых сам по себе нес бы обязательную зримую пользу.

Понятия утилитарной житейской пользы и вредности относятся к числу наиболее сложных категорий нашего искусства — уж слишком силён здесь субъективный фактор, уж слишком ненадежны здесь критерии. И всегда ли это возможно — показать всем зрителям сразу, как надо себя вести? Всегда ли это необходимо и, наконец, полезно?

Спорить на эту тему не хочется. Страшно. Не все из нас одинаково смелые люди в отстаивании собственных художественных убеждений. Я сам — яркий тому пример. Меня потянуло изменить своим цеховым пристрастиям, отмежеваться от коллег и «переметнуться» на «другую» сторону. Непреодолимо захотелось поучаствовать в выдвигании разного рода претензий в адрес некоторых знакомых режиссеров. Известно, что мы не всегда между собой дружим и легко впадаем в полемические крайности. Думается, я встал. Тем не менее постараюсь не просто поносить знакомых мне художников, но быть доказательным и одновременно непримиримым. Могу начать с чего угодно, например, с такого немаловажного явления, как охрана окружающей среды.

Мы все хорошо знаем, что современный автомобиль влияет отрицательным образом на чистоту городского воздуха, в отличие, скажем, от велосипеда, который не только его не загрязняет, но еще и помогает нашему человеческому здоровью. И тем не менее многие люди упорно стремятся сегодня к приобретению собственных автомобилей, которых и без того в наших городах предостаточно. Можно спорить по частностям, но согласимся в главном — многие люди, садясь за руль, наносят часто непоправимый вред собственному здоровью и одновременно увеличивают количество дорожно-транспортных происшествий. Об этом вам расскажет любой работник ГАИ. Хочется задать вопрос: почему это происходит и виновато ли в этом искусство? Хотя бы отчасти? Хочется сразу ответить — отчасти виновато. Во многих наших кинофильмах уж в слишком, на мой взгляд, завлекательном виде показывают киногероев, восседающих за баранками как собственных, так и государственных автомобилей. По существу, без этого не обходится ни один фильм на современную тему. Многие кинорежиссеры сажают за руль красивых молодых киногероинь, усиливая наше подсознательное зрительское намерение приобрести столь красивое и престижное транспортное средство. Но этого мало. В ряде фильмов, особенно остросюжетных, молодых зрителей постоянно подстрекают к превышению скорости, вводя в драматургию фильма обязательную погоню, где опытные каскадеры создают вихрь головокружительных дорожно-транспортных аварийных ситуаций. Подобные головокружительные эпизоды, как правило, являются кульминационными моментами, смотрятся они не просто с интересом, а иногда и с нескрываемым зрительским восхищением. Можно ли признать опасным такого рода восхищение и вообще прокат подобных фильмов? Я уверен — можно.

Но опасности для здоровья и человеческой жизни, конечно же, кроются не в одних только автомобилях. Давайте возьмем для примера какое-либо другое, с виду невинное, увлечение. Например, плавание.

Человек, плавающий в бассейне, развивает свою мускулатуру, тренирует сердечную мышцу, закаляет свой организм и, главное, не рискует собственной жизнью. В бассейнах люди не тонут. Плавая же в естественных водоемах, человек постоянно ставит свою жизнь под угрозу. Да, конечно, существуют спасательные станции на водах, но далеко не на всех водах, и далеко не всегда эти станции дают нам те гарантии, которые предоставляет хорошо оборудованный бассейн. Этого делать не хочется, но признать надо: каждое лето люди у нас тонут. Почему это происходит? Думаю, по многим причинам, но еще и потому, что некоторые наши кинорежиссеры и особенно операторы очень любят показывать в привлекательном свете разного рода сомнительные речушки и озера. Не хочу быть голословным. Так, в фильме «Табор уходит в небо» герои, даже не исследовав как следует речного дна, окунаются прямо в одежде в незнакомую реку с быстрым течением. Прямо скажем, дело небезопасное, и хотя героиня потом частично раздевается (до пояса), все равно у меня остается ощущение необоснованного риска. Демонстрация такого фильма, особенно в летнее время, может нанести явный и неоспоримый вред населению.

Моя аргументация может кого-то покорибить, но с ней трудно спорить. И надо ли? Это факты, против которых трудно что-либо возразить.

Я охотно верю, что создатели некоторых

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О ЗРИМОЙ ПОЛЬЗЕ И НЕЗРИМЫХ ОПАСНОСТЯХ, ЕЕ ПОДСТЕРЕГАЮЩИХ, В КОТОРОМ АВТОР, ХОТЯ И ПРИБЕГАЕТ К ИРОНИИ, НЕ МОЖЕТ СКРЫТЬ СВОЕЙ СЕРЬЕЗНОЙ ОЗАБОЧЕННОСТИ.

фильмов и спектаклей не ставили перед собой какие-то специальные антигуманные цели, но объективно, положив руку на сердце, спросим себя: разве можно ручаться, что воздействие искусства всегда только благотворно? Нет. Ручаться никак нельзя.

НИ ДЛЯ кого не секрет, что, несмотря на постоянное снижение преступности, какое-то количество правонарушений у нас еще случается. Более того, имеют место преступления с применением холодного и огнестрельного оружия. Почему это происходит? Для меня сегодня ответ однозначный — потому что вместо того, чтобы скрыть от людей устройство и назначение некоторых видов оружия, наш театр, кинематограф, а вслед за ними и телевидение все еще показывают разные способы его применения.

К сожалению, этим злоупотребляют не только современные художники, этим делом увлекались и наши уважаемые классики. Оставим Шекспира в покое — он вообще шага не мог ступить, чтобы кого-нибудь не прикончить. Но даже наш мудрый А. П. Чехов не сумел воздержаться от употребления на сцене огнестрельного оружия. Я лично не одобряю сцену в недавнем мхатовском спектакле «Дядя Ваня», где сам дядя Ваня разряжает чуть ли не всю обойму в пожилого профессора Серебрякова, и то, что он в него не попадает, не искупает дяди Ваниной вины, мог бы и попасть, если бы лучше целился. Стрелять оттого только, что вспылит, или на том основании, что ты положительный герой, а тот, в которого стреляешь, отрицательный, — безнравственно и вредно.

Я чувствую, что с каждой строкой аргументация моя крепнет. Я могу сейчас обратиться практически к любому виду человеческой деятельности и доказать ее возможную опасность для нашей жизни, как колющие и режущие предметы — всегда угроза для малолетнего ребенка. Только вот вопрос: нужно ли отождествлять современного зрителя с малолетним ребенком?

Может быть, искусство, как сама жизнь — вещь «небезопасная», и мы, отображая ее на экранах и сценических подмостках, не можем дать стопроцентной гарантии ее обязательной зримой, утилитарной и сиюминутной пользы для всех без исключения зрителей? Неуравновешенный или просто глупый человек всегда может воспользоваться произведением искусства для целей антиобщественных или просто нанести ущерб собственному здоровью.

Теперь уже без всякой иронии. С одним только чувством искреннего беспокойства.

Я, как и абсолютное большинство советских людей, с удовлетворением встретил строгие государственные меры по преодолению такого тяжелого явления, каким является злоупотребление алкоголем. Наш театр, как и некоторые другие творческие коллективы, потерял нескольких одаренных артистов, которые не сумели справиться с этим тяжким недугом. Возможно, нам не всегда хватало прозорливости и умения вовремя пресекать опасное пристрастие наших товарищей, но мы всегда были в этом вопросе суровы и принципиальны, мы не скрывали этих фактов, невзирая на то, что такое «вскрытие», говорят, кладет пятно на репутацию театра и, по мнению некоторых товарищей, ухудшает шансы в соревновании. Эти товарищи полагают, что не всегда проступки отдельных работников коллектива надо предавать гласности. Но мы давно и справедливо рассудили, что здоровье коллектива дороже самого высокого призового места в любом смотре или соревновании. Мы слишком многое пережили, чтобы с нашей сцены беспечно демонстрировать шумные застолия или товарное разнообразие ликеро-водочных заводов. И я согласен, что в отдельных произведениях нашего искусства имел место явный перекосяк по части винопития. Прямо скажем, в плохом, бесталанном произведении все нескладно, неубедительно и раздражает может все, на что ни посмотришь.

Но мои опасения сводятся не к анализу бесталанных произведений. Я всерьез опасаясь еще и другого: вместо истинной и глубоко осознанной борьбы за трезвость, как норму нашей жизни, существует еще применительно к искусству и соблазн редакторских ножиц. Ведь можно сделать вид, что виноград используется на нашей территории и территории европейских стран лишь в своем натуральном виде. Имеем ли мы право всегда, во всех без исключения случаях показывать жизнь такой, какой мы ее хотим или мечтаем видеть? Я убежден — право такое имеем. Истинный художник на все имеет право. Если он служит высоким идеалам партийности в искусстве, если его творчество несет мощный очистительный заряд духовного свойства, — он имеет право на все то, что подсказывает ему его художническая и гражданская совесть. Настоящий художник не может рекламировать табачные изделия или алкогольные напитки, но он и не станет делать вид, что их не существует на свете.

Уверен, что ни Михаил Шолохов, ни Сергей Бондарчук не руководствовались в «Судьбе человека» желанием приобщить зрителей к употреблению шнапса или каких-либо отечественных модификаций этого напитка, хотя кульминационный эпизод этого замечательного фильма связан с употреблением алкоголя.

Пушкинские строки «Подъемем стаканы, содвинем их разом!» должны переиздаваться и исполняться с эстрады в их первоизданном виде, без изыятий, независимо от того, кто внимают им — нормальный любитель поэзии или личность, могущая тотчас устремиться за стаканами.

Похоже, что именно из подобных личностей и состоит, по мнению некоторых редакторов, многомиллионная масса современных телезрителей, которую необходимо уберечь от любого визуального контакта с емкостями в виде бутылок. Вряд ли мы захотим иметь подобным образом «адаптированные» издания великих литературных и кинематографических творений.

Несмотря на вновь возникшую у меня иронию, отлично понимаю — проблема очень непростая. Вопросов возникает много. Каким образом и в силу каких признаков должны мы определять возможность или недопустимость появления на экране или сценических подмостках алкогольного напитка? Объективности ради стоит признать, что, как сигарета на наших сценических подмостках нередко служит «благому» намерению возместить отсутствие мысли, так и рюмка горячительного напитка призвана иной раз «углубить» реалистические достоинства спектакля.

И все-таки полезно разобратся обстоятельно и не торопясь, когда и в каком контексте без этого нельзя обойтись и когда необходимо этого избежать? Наконец, каким образом современный театр, кинематограф и телевидение могут внести свой новый действенный вклад в борьбу с этим недугом? Можем ли мы помочь делу, используя механизмы прямого психотерапевтического воздействия, заложенные, как правило, в любом высокоталанливом произведении искусства? Ведь удалось же в свое время замечательному советскому писателю Вилю Липатову создать поразительную повесть «Серая мышь», где присутствует редкостный эффект почти физического воздействия, — мощная оздоровительная энергетика! «Серую мышь» не совсем приятно читать. Это верно. Но кто сказал, что искусство всегда и во всем должно быть только приятным? «Серая мышь», мне думается, недооценена нашей критикой, потому что там плохо с тем утилитарным представлением об оптимизме, которое не имеет ничего общего с оптимизмом подлинным и с необходимым трагизмом в искусстве. С катарсисом. Целебным взрывом, очищающим нашу душу и наше сознание.

С ОПАСНОЙ болезнью должно бороться разными, в том числе самыми резкими и неоднозначными способами. Не надо призывать к этому всех до одного сочинителей, чтоб не вносить в это важнейшее дело элемент кампании, но поощрять тех, кто сумеет это сделать убежденно, самообытно, талантливо, сегодня просто необходимо. Если мы начнем бороться с каким-либо печальным человеческим недугом лишь единственным способом умалчивания о нем, — дело сразу же будет напоминать нам временную кампанию.

Но я пишу эти заметки главным образом потому, что я против всяческих отдельных кампаний. Я, как и многие мои коллеги, — за долговременное следование по тому пути, который вырабатывает сейчас наша партия и наш народ. Со зрителем мы не имеем права выстраивать свои взаимоотношения на упрощенно-иллюстративной основе. Существует кредит зрительского доверия. Его нельзя терять ни при каких условиях. Мы сможем активно воздействовать на формирование высоких нравственных и политических идеалов у нашего зрителя в том случае, если будем честными в своих сочинениях.

Я пишу об этом, потому что знаю, что любое самое полезное намерение в искусстве может приобрести в некоторых случаях характер досадного и неумного перегиба. Люди, готовые довести любое полезное начинание до абсурда, пока что существуют.

Если мы начинаем сегодня новый этап в нашем нравственном и материальном преобразовании, может быть, стоит с особой тщательностью выверить все наши редакторские требования и художнические намерения в соответствии с той прекрасной формулой истинно творческого созидания, что была провозглашена с трибуны апрельского Пленума ЦК КПСС: «...Думаю, сделано еще далеко не все, чтобы идеологическая работа была теснейшим образом связана с жизнью. Продолжают мешать формализм и назидательность. Урон нередко идет от пустословия, от неумения говорить с людьми языком правды. И порою получается: человек слышит одно, а в жизни видит другое. Вопрос тут серьезный и не только воспитательный, но и политический».

Простые и прекрасные слова. На мой взгляд, они выражают долговременную программу нашего общего Поиска и Созидания.

Служение высокому искусству требует еще, помимо всего прочего, и нормальной человеческой смелости. Так пожелаем же друг другу мужества в отстаивании новых художнических идей, новых способов в отображении жизненной правды, в утверждении великих планов нашего материального и духовного перевооружения!

Марк ЗАХАРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
главный режиссер Московского театра
им. Ленинского комсомола.